

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21 – 23 июня 2012

Создание надежного будущего

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОГНОЗЫ В ЭНЕРГЕТИКЕ: В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОСТИ

Панельная дискуссия

21 июня 2012 — 11:45 – 13:00, Павильон 3, Амфитеатр

Санкт-Петербург, Россия

2012

Модератор:

Дэниел Ергин, Председатель, исполнительный вице-президент, IHS
Cambridge Energy Research Associates (CERA)

Выступающие:

Владимир Дребенцов, Вице-президент по внешним связям, ВР Россия;
главный экономист по России и странам СНГ, BP Group

Мария ван дер Хувен, Исполнительный директор, Международное
энергетическое агентство

Александр Новак, Министр энергетики Российской Федерации

Игорь Сечин, Президент и председатель правления, ОАО «НК «Роснефть»

Питер Возер, Главный исполнительный директор, Royal Dutch Shell plc

Д. Ергин:

Уважаемые дамы и господа! Мы хотели бы поприветствовать всех вас на сессии «Глобальные прогнозы в энергетике». Эта сессия является одной из основных на Петербургском международном экономическом форуме. Она дает нам возможность взглянуть на то, где мы находимся и где мы окажемся в будущем. Я очень рад всех вас здесь видеть. Я знаю, что мы немного запаздываем с началом, а потому хочу поблагодарить всех за терпение.

Председательство на сессии, в которой участвуют такие уважаемые люди, — большая честь для меня, и я с нетерпением жду, когда начнется дискуссия. В каком-то смысле темы обсуждения всегда вращались вокруг вопроса стабильности и нестабильности энергетических рынков и того, как эти рынки будут меняться. Некоторые из тем, лежащих в основе сегодняшних вопросов, касаются воздействия развивающихся рынков, изменения и роста спроса, и, в первую очередь, последствий таких изменений для динамики развития. С технологиями все обстоит точно так же, как в фильме, который вы все смотрели, где говорится о некоторых крупных технологических инновациях, которые меняют сегодняшний прогноз относительно предложения; и, конечно, как всегда, элементом энергетического рынка является геополитика. Мы видим, какие споры ведутся сегодня и все последние недели вокруг ядерной программы Ирана и возможной реакции на нее. То, как все это будет развиваться, является важным фактором на энергетическом рынке и в мировой экономической конъюнктуре, поскольку мы наблюдаем спад в европейской экономике, затрагивающий энергетические рынки. Поэтому дискуссии, которые мы проведем, включают в себя основные вопросы, касающиеся стабильности. Можем ли мы ожидать ее? В основе этого вопроса лежит проблема инвестиций и обеспечения такого их уровня, какого требует рост мировой экономики. В нашем сегодняшнем обсуждении участвуют известные люди, и прежде всего я хотел бы поприветствовать Игоря Сечина, президента и председателя правления компании «Роснефть», выступление которого заложит основу для нашей сегодняшней дискуссии. Игорь Сечин.

И. Сечин:

Уважаемые дамы и господа!

На этом Форуме мы собираемся в четвертый раз. Сегодня я рад приветствовать вас от имени нефтяной компании «Роснефть» — крупнейшей нефтяной компании в России, лидера среди публичных нефтегазовых компаний по добыче нефти в мире. Санкт-Петербургский форум был и остается площадкой для наведения мостов, выстраивания партнерских отношений между крупнейшими энергетическими корпорациями, правительством России и инвесторами. Для достижения наших целей мы последовательно проводили работу по созданию стратегических альянсов, запуску новых проектов, развитию технологий и сегодня с удовлетворением сообщаем, что нам это удалось. Хотел бы отметить, что на нашей компании лежит большая ответственность: мы являемся налогоплательщиком номер один в Российской Федерации. На нас лежит обязанность бесперебойного обеспечения нефтепродуктами внутреннего рынка, наконец, мы с «Газпромом» по поручению государства обеспечиваем развитие шельфовых проектов. Несмотря на то, что 75% «Роснефти» принадлежит государству, мы не забываем и об ответственности перед нашими инвесторами. Немногие задумываются о том, что публичное размещение акций компании «Роснефть» несколько лет назад по-прежнему воспринимается мировым сообществом как успех, который принес российскому государству больше средств, чем все другие приватизационные сделки в нефтяном секторе, вместе взятые. Выполнив все обязательства, данные на момент IPO, мы продолжаем создавать стоимость для инвесторов, выполняя поручения президента Российской Федерации, в частности, мы обратились в правительство с предложением увеличить дивидендные выплаты до 25% от чистой прибыли по стандартам МСФО.

Мы также чувствуем себя ответственными за будущее российской нефтегазовой индустрии, в том числе, за экономическое благополучие наших

граждан. Перед отраслью стоят серьезные вызовы, связанные, прежде всего, с ухудшением структуры действующей ресурсной базы. При этом российский бюджет по факту на 50% наполняется за счет нефтегазовых доходов. Понимая эти задачи, мы уже несколько лет назад начали разработку и успешно вывели на промышленный объем добычи одно из крупнейших новых месторождений России и мира — Ванкорское месторождение, доказанные запасы которого на сегодняшний день составляют 500 миллионов тонн нефти, а геологические ресурсы превышают миллиард тонн.

В 2011 году мы запустили новые масштабные проекты, которые помогут заместить выбывающую добычу в среднем и долгосрочном периоде, а именно, выход на разработку российского шельфа и добычу трудноизвлекаемых запасов углеводородов. Уже в 2020 году мы планируем получить более 5% добычи в новых регионах.

К 2030 году новые месторождения нефти обеспечат почти 40% от ее общей добычи в стране — это гигантский рывок вперед, сравнимый по масштабам с освоением нефтеносного региона Западной Сибири в 60-х годах прошлого столетия. Для наращивания ресурсной базы компания приступила к реализации беспрецедентной по своим масштабам программы освоения российского шельфа — сложнейшего, и в тоже время весьма многообещающего источника будущей добычи.

Роснефть является крупнейшим недропользователем на шельфе, располагающим лицензиями на 29 участках с суммарными извлекаемыми ресурсами в размере 26 миллиардов тонн нефтяного эквивалента. На сегодня мы привлекли к сотрудничеству в качестве партнеров для участия в разработке шельфа лучшие международные компании, обладающими необходимыми технологиями и компетенциями — Exxon Mobil, Statoil и Eni. Взаимный обмен активами и технологическое сотрудничество дополнительно обеспечивают надежное и стабильное партнерство.

Сегодня на этом Форуме мы подписываем сразу два полномасштабных соглашения в этой области с компанией Eni в области разведки нескольких

блоков российского арктического шельфа, а также с компанией Statoil в отношении совместной разведки и разработки норвежского шельфа.

Мы открыты для продолжения и расширения сотрудничества с международными компаниями, именно с таким сотрудничеством мы связываем возможности дальнейшего роста добычи нефти и газа в России, и в первую очередь — на шельфовых месторождениях.

Промышленная разработка новых регионов, включая освоение шельфа — это дело следующих лет и десятилетий. Однако уже сегодня, закладывая этот фундамент вместе с партнерами, мы также работаем в направлении продления эффективной добычи в традиционных регионах деятельности нашей компании. Потенциальным источником роста добычи низкосернистой нефти на участках с уже развитой инфраструктурой является трудноизвлекаемая нефть. óбъщая часть запасов и ресурсов, которая сконцентрирована в Западной Сибири, это прежде всего Ачимовская, Баженовская и Тюменская свиты. Объем трудноизвлекаемых запасов и ресурсов в пределах лицензионных участков только нашей компании оценивается в 800 миллионов тонн, и это составляет 13% общих извлекаемых запасов компании.

Еще 400 миллионов тонн находится в нераспределенном фонде в пределах лицензионных участков нашей компании. Потенциал добычи на данной базе запасов превышает 15 миллионов тонн в год. Важно, что добыча в рамках этих проектов может начаться уже через 2—3 года с выходом на промышленные масштабы в среднесрочной перспективе. Техническое исследование низкопроницаемых коллекторов на участках «Роснефти» в Западной Сибири также является одним из важных элементов сотрудничества с компанией Exxon Mobil. Стартовый проект совместного технического исследования таких коллекторов будет включать строительство скважин современной конструкции. В дальнейшем мы сможем реализовывать более масштабные проекты по промышленной эксплуатации этих запасов.

Сегодня мы подписываем соглашение с компанией Statoil по разработке низкопроницаемых коллекторов в Западной Сибири и на Северном Кавказе, где на участках «Роснефти» находится около 150 миллионов тонн трудноизвлекаемых запасов. Эта работа является ответом на вызовы, связанные с ухудшением структуры запасов, и потенциал такой работы огромен. Особо отмечу, что реализация этих проектов стала возможной прежде всего благодаря усилиям правительства России по созданию условий льготного налогообложения работ на шельфе, а также в отношении трудноизвлекаемых запасов. Эти меры кардинально меняют налоговые условия по сравнению с нефтедобывающими проектами в традиционных регионах за счет обнуления экспортной пошлины, установления дифференцированных адвалорных ставок налога на добычу полезных ископаемых, ускоренной амортизации и других существенных льгот. Безусловно, эти меры все еще требуют законодательного подкрепления; мы активно работаем с правительством над созданием устойчивого и справедливого налогового режима. Все вышеуказанные меры создают прочную экономическую основу для наших совместных инвестиций.

На представленном слайде сравнивается налоговый режим России для шельфовых месторождений с фискальными условиями основных стран-производителей нефти. Как видно, уровень налоговых изъятий в России после внесения изменений в законодательство обеспечивает высокую привлекательность инвестиций в геологоразведку и в освоение шельфовых проектов. В области нефтепереработки мы также не стоим на месте, и, хотя российские НПЗ отстают от среднемировых по глубине переработки, «Роснефть» реализует масштабную программу модернизации нефтеперерабатывающих мощностей, которая позволит коренным образом преобразовать нефтеперерабатывающий сектор.

Объем переработки на существующих НПЗ в рамках компании вырастет на 18%, и только на заводах компании, находящихся в России, составит почти 58 миллионов тонн в год, а выпуск бензинов вырастет более чем на 70% и

составит более десяти миллионов тонн. Выход светлых нефтепродуктов возрастет до 76%. При этом все производимые моторные топлива будут соответствовать европейскому экологическому классу 5. Для достижения такого результата в ближайшие годы нам предстоит реконструировать или построить с нуля более 47 крупных установок, мощность которых позволит обеспечить выход на 58 миллионов тонн переработки, притом, что всего в России будет реконструировано в ближайшие годы 122 установки по переработке нефти. Мы тесно работаем в рамках реализации этих гигантских проектов с такими международными компаниями, как ABB, General Electric, WOP, Teknik, Siemens, Exxon Mobil и другими компаниями. Сегодня мы переходим от намерений к конкретным договоренностям, а от договоренностей — к полномасштабной реализации проектов. Для разведки и освоения ресурсов шельфа и трудноизвлекаемых запасов «Роснефти» потребуются сотни миллиардов долларов инвестиций. Помимо нефтедобычи, нам необходимо произвести значительные инвестиции в модернизацию нефтепереработки и в создание энергетической транспортной инфраструктуры, нефтеперерабатывающих и нефтехимических мощностей. Это тоже десятки миллиардов долларов. Мы заинтересованы в расширении сотрудничества с инвесторами, технологическими партнерами, и сейчас открыто реальное окно возможностей для глобального сотрудничества.

Вместе с тем, в нашей отрасли высока волатильность, и не все решения зависят от рынков, от потребителей и поставщиков. Зачастую они обусловлены серьезными политическими факторами, очень высока ответственность регулятора. Я призываю политиков, компании, финансовые институты к более тесной координации, ведь на всех нас лежит огромная ответственность за стабильность энергообеспечения. Иначе нам придется заниматься не энергетической, а продовольственной безопасностью. Большое спасибо за внимание.

Д. Ергин:

Спасибо, господин Сечин. Прежде чем обращаться к другим участникам дискуссии, я хочу задать один вопрос. Вы, естественно, говорили о важности нефтегазовой промышленности для российской экономики с точки зрения бюджетов, и Вы говорили о технологиях. Как Вам с точки зрения технологии представляется развитие российской нефтегазовой отрасли, если рассматривать его как часть общего технологического прогресса и модернизации России в целом, а также если выйти за рамки этой отрасли?

И. Сечин:

Уважаемый господин Ергин, если говорить очень коротко, то российская энергетика может являться, является, и в ближайшей перспективе должна оставаться локомотивом для модернизации экономики страны. Я говорил о том, что в ближайшие годы нам предстоит только в рамках нефтепереработки построить или модернизировать 122 крупные установки и, если говорить об электроэнергетике, то мы должны до 2020 года ввести в эксплуатацию порядка 96 гигаватт новых генерирующих мощностей. Такие же колоссальные объемы предстоит модернизировать в сетевом хозяйстве, поэтому наши энергетические компании уже внесли соответствующие изменения в свои инвестиционные программы. То, о чем мы говорим, реализуется в настоящее время, в текущем режиме обеспечивая рост, который необходим не только в нашем энергетическом секторе, но и в целом для роста экономики. Те программы, которые я называю, не являются чем-то эфемерным, они реализуются в настоящее время, и мы заверяем вас, что все, о чем мы говорим, будет обязательно сделано.

Д. Ергин:

Большое спасибо. Большинство из вас знают об этом, но для тех, кто не знает, скажу: Международное энергетическое агентство было создано в 1975 году.

Оно объединяет крупные энергопотребляющие страны мира, и иногда его называют «энергетической совестью мира». Исполнительным директором агентства является Мария ван дер Хувен, бывший министр экономики Нидерландов. Недавно Международное энергетическое агентство выступило с концепцией, которую они называют «золотой век газа». Россия — это страна, производящая большое количество газа. Исполнительный директор госпожа ван дер Хувен, не могли бы Вы помочь нам понять, что такое «золотой век газа»?

М. ван дер Хувен:

Что такое «золотой век газа»? Давайте говорить прямо. Это сценарий, по которому в общем мировом объеме первичных энергоресурсов быстро растет доля газа, а нетрадиционные источники энергии дополняют традиционные. По такому сценарию в 2035 году ожидается увеличение доли газа в мировом спросе на энергоносители до 25%, в сравнении с 22%, предусматриваемыми базовым сценарием нашей годовой политики. Ожидается также, что к 2030 году газ обойдет уголь и станет вторым по значимости видом топлива после нефти. Расширение доли природного газа в мировой структуре энергопотребления происходит благодаря низким ценам, более активному использованию газа в Китае, усиливающемуся развитию нетрадиционных источников энергии и росту спроса на энергоносители. Это очень важно, поскольку спрос растет не только в энергетическом секторе, но и в промышленности.

Поскольку спрос на газ растет быстрее, чем общий спрос на энергию, миру потребуется много газа, особенно для удовлетворения роста спроса на электроэнергию в развивающихся странах. Растущее значение газа, добываемого из нетрадиционных источников, не означает, что обычный газ и развитая газовая инфраструктура больше не нужны.

По сценарию «золотого века газа» Россия останется его крупнейшим производителем и экспортером. В России осуществляются крупные

инвестиции в новые супергигантские проекты, а также в СПГ и в трубопроводы Восточной Сибири. На самом деле существенное увеличение объема поставок нетрадиционного газа и СПГ во многих отношениях откроет возможности для резкого увеличения объема экспорта традиционного газа, по мере того как отрасли и потребители изменят модель потребления, отказавшись от более дорогостоящих альтернатив. Газ также станет малодоступным видом топлива для развивающихся стран, особенно в том, что касается производства энергии. Учитывая доминирующее положение России по объему запасов газа в мире, у нее будут очень хорошие возможности для значительного увеличения экспорта газа. Рост мировой торговли энергоресурсами в сочетании с добычей газа из нетрадиционных источников также будет способствовать преобразованию нынешних региональных рынков газа в более глобализованный газовый рынок, который откроет мировые рынки для поставок со стороны таких крупных экспортеров, как Россия. Преимуществом России также является то, что она обладает крупнейшей в мире действующей и расширяющейся сетью трубопроводов, связанной с основными рынками Европы и Азии, и потенциалом для активного расширения экспорта энергоносителей. Таким образом, нетрудно себе представить, что Россия будет сохранять за собой роль «Саудовской Аравии газа».

Объемы энергии, получаемой из традиционного ближневосточного газа, тоже значительно возрастут. В период между 2009-м и 2011 годами мировая торговля энергоресурсами увеличилась приблизительно на треть, и первая энергетическая волна, которую в значительной степени определял Катар, теперь закончилась. Новая волна придет из Австралии в середине текущего десятилетия.

Соединенные Штаты Америки будут в значительной степени оставаться оторванными от мира с точки зрения торговли и цен, но перспектива экспорта энергоносителей из Северной Америки не за горами. В следующем десятилетии по нашему сценарию «золотого века газа» мы прогнозируем значительный рост российской энергетики на основе ресурсов Арктики и

Восточной Сибири. Также развернется конкуренция за эти новые источники поставок сжиженного природного газа (СПГ). Ведущим импортером энергоносителей останется Азия. Сюда, конечно, входят Япония и Корея, которые исторически являются импортерами, а также Китай и Индия. Заинтересованность в импорте СПГ проявляют и многие другие страны. Таиланд только начал это делать, а Малайзия, Вьетнам, Индонезия и Сингапур в скором времени войдут в число импортеров.

Итак, будут расти спрос и предложение как на традиционный, так и на нетрадиционный газ, однако значение нетрадиционных источников газа в наш «золотой век» быстро повышается. Всего за несколько лет такие новые технологии, как гидроразрыв пласта, трансформировали газовый сектор, открыв доступ к территориально разбросанным запасам природного газа, которых при нынешнем уровне добычи хватит примерно на 250 лет.

Ожидается, что расширение доступа к запасам газа приведет к значительному ускорению экономического развития и к увеличению спроса на энергоносители, в результате чего природный газ станет единственным крупнейшим источником роста энергоснабжения в ближайшие 25 лет. Однако реализация этого потенциала потребует значительных новых инвестиций в добычу, транспортировку и распределение газа. К 2035 году мы ожидаем инвестиций в размере 9,5 триллионов долларов США, и более половины этой суммы будет приходиться на поставки в страны, не входящие в ОЭСР. Реализация первого транша этих инвестиций будет представлять серьезную проблему в нынешних финансовых условиях, и примечательно, что революция сланцевого газа в США произошла одновременно с мировым экономическим кризисом, создавая острую конкуренцию и рекордно низкие цены на газ в США.

Дешевый газ, добываемый как из традиционных, так и из нетрадиционных источников, все больше вытесняет уголь из производства энергии, а это ведет к сокращению выбросов CO₂, что еще несколько лет назад казалось практически невозможным.

Это хорошо, но недостаточно. На наш взгляд, газ является полезным переходным топливом, и благодаря ему в настоящее время в Северной Америке наблюдается значительное снижение уровня выбросов CO₂. Но давайте будем смотреть правде в глаза: газ сам по себе не обеспечивает устойчивого функционирования энергетической системы и не является панацеей. Он обеспечивает переход в будущее с более низким содержанием углерода, по мере того, как будут развиваться и становиться более конкурентоспособными низкоуглеродные технологии. Последствия революции нетрадиционного газа продолжают ощущаться во всем мире. Производители энергии, рассчитывавшие на спрос на импорт в США, начали борьбу за альтернативные рынки, главным образом, среди развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона, где спрос на газ продолжает расти. Нехватка средств на азиатских рынках СПГ, даже без влияния Фукусимы, является напоминанием о том, насколько быстро экономический рост в крупном регионе может поглотить поставки, и эти изменения находят отражение в значительном разбросе цен в этом регионе. В настоящее время цены в США составляют примерно одну седьмую от цен, существующих в Азии. Региональные ценовые различия, вероятно, окажут влияние на структуру торговли и инвестиций в среднесрочном периоде. Ключевым фактором будет то, смогут ли США сохранить темпы роста, которые наблюдались там в последние годы. Многое будет зависеть от их способности развивать внутренние рынки газа и экспортировать энергоносители на мировой рынок. Дальнейшее использование всей системы индексации окажется под сильным давлением, по мере того как растущие объемы более дешевого американского газа достигнут международных рынков. Это не только сам сланцевый газ, который, вероятно, распространится из Северной Америки, но также и технологии его добычи. Некоторые страны, зависящие от импорта, осознали свой потенциал нетрадиционного газа, и многообещающие изменения происходят в Китае и Польше. Тем не менее, распространение

этой американской газовой революции потребует высокой квалификации и технологий. Решающее значение будет также иметь общественная поддержка. Применение гидравлического разрыва вызвало существенные разногласия, но мы считаем, что, если у вас хорошая система управления и развитое регулирование (а эти факторы имеют существенное значение), то сланцевый газ может производиться безопасным и экологичным образом. Поэтому, возможно, будет выпущен специальный доклад с прогнозом мировой энергетики, в котором будут рассмотрены «золотые правила» добычи газа из нетрадиционных источников, и тем самым будет провозглашено наступление «золотого века газа». Без «золотых правил» не будет никакого «золотого века».

Неопределенность вокруг цен в долгосрочной перспективе создаст новые проблемы в привлечении необходимых инвестиций. Цены на природный газ и объем денежных поступлений должны будут отражать капиталоемкость цепочки снабжения природным газом с одновременным сохранением его конкурентоспособности. Создание более конкурентного и более эффективного рынка газа будет иметь решающее значение для привлечения инвестиций, необходимых для обеспечения долгосрочных поставок природного газа. Для увеличения и глобальной надежности поставок природного газа решающее значение будет иметь стабильность и прозрачность нормативно-правового регулирования. В начале этого месяца мы издали в Куала-Лумпуре ежегодный анализ рынка газа на среднесрочную перспективу. Основное внимание в этом докладе уделяется конкурентоспособности природного газа в энергетическом секторе, изменениям в сфере сланцевого газа в Китае и наличию американских энергоносителей на мировых рынках. Краткий итог сказанного таков: если мы действительно хотим, чтобы наступил «золотой век газа», нужно добиться того, чтобы газ использовался по «золотым правилам». В противном случае общественное мнение будет против этого.

Д. Ергин:

Вы нарисовали нам очень убедительную и реалистичную картину того, как будет расширяться роль газа в течение ближайших 20 лет. Позвольте мне теперь перейти к другому моменту, вызывающему беспокойство, который, конечно же, входит в состав нашей темы: это стабильность или нестабильность на нефтяном рынке в краткосрочном периоде. Еще три месяца назад наши ожидания в отношении рынка нефти могли быть совершенно другими по сравнению с теми, которые есть сегодня. Очень кратко скажите нам: каким Вы видите нефтяной рынок сейчас, стабильным или нестабильным?

М. ван дер Хувен:

За последние три месяца на нефтяном рынке расширилось предложение. Это первое. Второе: наблюдается снижение цен. Однако не следует забывать о том, что эти цены до сих пор находятся на исторически высоком уровне и продолжают оставаться такими уже довольно долгое время. В сложившейся ситуации мы не можем успокаиваться, особенно во время медленного восстановления экономики. Очевидно, что все страны, как развивающиеся, так и промышленно развитые, испытывают на себе воздействие этих цен.

На прошлой неделе состоялось заседание ОПЕК, и я была довольна результатом, потому что оно показало, что желание удовлетворять существующий спрос все еще есть, и это очень важно. За последние несколько месяцев предложение для рынка со стороны ОПЕК было выше, чем раньше. Таким образом, ОПЕК обеспечила решение проблемы и улучшила снабжение рынка.

Свое последнее замечание я хотела бы сделать по поводу стран, не входящих в ОПЕК, таких, как Россия. Они очень помогли тем, что производили больше — примерно на 200 тысяч баррелей в день, — и это способствовало улучшению поставок на рынок.

Д. Ергин:

Спасибо. Кстати, госпожа исполнительный директор говорила об изменении доли рынка. В конце этой сессии мы проведем очень интересное голосование, чтобы посмотреть, каково мнение нашей аудитории относительно будущих сценариев.

Позвольте мне теперь перейти к Александру Новаку, министру энергетики Российской Федерации, бывшему заместителю министра финансов. Господин министр, не могли бы Вы поделиться с нами некоторыми своими мыслями, касающимися рынков газа, инфраструктуры, а также вопросов интеграции?

А. Новак:

Спасибо. Добрый день, уважаемые коллеги.

Прежде всего, хочу сказать о том, что для меня большая честь присутствовать на этом мероприятии, посвященном развитию энергетики Российской Федерации, обсуждению мировых тенденций.

Трудно преувеличить роль Российской Федерации в мировой глобальной энергетике. Мы все знаем о том, что в России добывается чуть более десяти миллионов баррелей нефти в день из тех 83 миллионов, которые добываются в мире, и это существенная доля, не говоря уже о газе, как об энергетическом продукте. Поэтому, безусловно, сегодня очень важна тема глобальных изменений, происходящих в целом мире, и последствий этих изменений для перспектив нефтегазового сектора Российской Федерации.

Я бы в первую очередь хотел сказать о том, что, на мой взгляд, следует прогнозировать лет на 15—20 вперед, поскольку выстраивать более долгосрочные прогнозы малоэффективно. Технологии сегодня развиваются настолько быстро, что мы не знаем, что будет через 20—30 лет. Я полагаю, что в сегодняшних инвестиционных планах компаний как раз и оцениваются перспективы развития на ближайшие 20 лет. На мой взгляд, госпожа Мария ван ден Хубен достаточно подробно рассказала о газовом рынке, о том, что будет на нем происходить, какие существуют тенденции. Со своей стороны, я хочу также подчеркнуть, что газ на сегодняшний день является определяющим

и одним из самых нетривиальных стратегических векторов развития мировой энергетики. В ближайшие годы перспектива будет зависеть от технологий, которые внедряются в газовом секторе, от новых транспортных схем и новых технологий их реализации, а также от скорости газификации основных рынков потребления. Мы все отмечаем серьезные изменения, которые происходят в каждой из перечисленных областей в последние десять лет.

На примере США мы видим, что с 2006-го по 2011 год общий объем добычи собственного газа увеличился с 506 до 582 миллиардов кубометров, значительно выросла доля сланцевого газа, а оптовые цены на газовом рынке значительно ниже, чем на других потребительских рынках. Поэтому рынок в Америке будет играть существенную роль. По оценкам многих экспертов в 2030 году США, Мексика и Канада станут энергонезависимыми и по газу, и по нефти.

Второй момент, который я бы отразил в этой части — это глобальные мощности инфраструктуры сжиженного природного газа (СПГ). Если в 2010 году глобальные мощности СПГ составляли 310 миллиардов кубометров газа, то в 2020 году предполагается дальнейший рост мощностей уже до 400 миллиардов кубометров. В целом это окажет существенное влияние на рынок. Сегодня уже говорили о том, какие новые транспортные схемы предполагается внедрять, в том числе трубопроводную транспортную схему сжиженного газа, хотя все это нужно очень серьезно изучать и считать.

Важным фактором, о котором также было сказано, является потребление газа и развитие газификации крупнейшими рынками, в частности, Китаем. Мы знаем, что сегодня потребление газа в Китае составляет порядка 150 миллиардов кубометров, к 2020 году, по оценкам экспертов, оно вырастет до 350 миллиардов кубометров, то есть, более чем в два раза, и это будет накладывать существенный отпечаток на рынок газа.

Понимая специфику российского газового сектора, нам нужно быть готовыми к этим вызовам и к повышению конкуренции в газовой отрасли. Безусловно, Россия имеет на сегодняшний день существенное преимущество, в том числе,

по себестоимости добычи газа, по объему запасов газа и по наличию развитой трубопроводной инфраструктуры, которая была создана еще в прошлые времена и создается в настоящее время. Но вместе с тем, с учетом глобальных изменений, нам нужно в перспективе серьезно поработать над модернизацией в газового сектора, поскольку это будет ключевой темой в ближайшие годы, и будет отражаться в стратегии практически всех международных компаний.

Господин Ергин, я ответил на Ваш вопрос, и хотел бы осветить еще пару аспектов. В частности, я хотел бы сказать несколько слов об энергетической инфраструктуре. На сегодня рост потребления энергоресурсов, освоение практически с нуля новых месторождений, развитие новых технологий транспортировки, повышение требований к эффективности, экологические требования, — все эти факторы позволяют говорить о беспрецедентных потребностях в развитии инфраструктуры. Мы часто упускаем этот фактор из виду, но следует понимать, что в ближайшее время во всем мире средства будут активно вкладываться в инфраструктуру. Россия в этом отношении будет ярким примером. По оценкам экспертов, инвестиции в инфраструктуру российского нефтяного, газового и электроэнергетического секторов составят до 2020 года один триллион долларов. При этом, как уже было сказано в докладе Игоря Ивановича, мы будем активно разрабатывать шельф. К 2030 году, по прогнозам, объем добычи на шельфе составит от 25 до 30% от общих объемов добываемой нефти. Предстоит масштабное освоение Сибири и Дальнего Востока, радикальная модернизация развития электросетевого хозяйства. Сегодня был круглый стол на эту тему, где на котором говорилось, что будет построено более 250 тысяч километров линий электропередач. Будет продолжено строительство новых генерирующих мощностей, которые в большей степени будут ориентированы, именно на газ и на уголь, особенно с учетом российской специфики.

Про общие инвестиционные расходы я уже говорил, но хотелось бы не просто назвать цифры, а сказать о том, что это будет огромный ресурс: в

инфраструктуру ежегодно будут вкладываться более 100 миллиардов долларов. Нам надо обязательно очень бережно относиться к этим средствам. Эти средства должны эффективно поработать на нашу экономику. Мы должны внедрять совершенно новые технологии, мы должны заниматься научными исследованиями, активно внедрять энергоэффективные технологии, мы должны быть конкурентоспособны в этом направлении. И тот триллион долларов, который будет вложен до 2020 года, должен дать отдачу в конкуренции всей нашей страны, всех наших энергетических компаний, работающих в этом секторе. Я бы предложил всем присутствующим подумать над этим и поработать вместе с министерством энергетики.

И последнее, о чем я бы хотел сказать — это глобальная интеграция. Мы все понимаем, что в 2011 и 2012 году мы перешли Рубикон по интеграции России в мировые рынки, по привлечению иностранных компаний — уже были подписаны соглашения с Exxon Mobil, сегодня будут подписаны с компанией Statoil, с Eni. Все это происходит на фоне того, что во всем мире активно происходит серьезная интеграция, появляются молодые лидеры, например, в Бразилии — компания Petrobras, которая уже заявила себя лидером разработки глубоководных месторождений. А у нас действительно очень масштабные инвестиционные вложения и перспективы именно разработки нефтяных и газовых месторождений на шельфе. Далее, я бы отметил также китайские нефтяные компании, которые активно инвестируют в Центральную Азию, в Африку, а также отметил бы глобальные нефтесервисные компании. Там совершенно новые технологии по транспортировке энергоносителей. Поэтому я думаю, что наши российские компании — молодцы; они активно включились в мировую интеграцию, в интеграционные процессы, и мне кажется, что было бы интересно ускорить такую работу и определить некие форматы взаимодействия по мировой интеграции.

Вот эти три фактора, о которых я сказал, станут, как мне кажется, катализаторами изменений глобальной энергетической инфраструктуры, и

должны выстроить баланс интересов производителей и потребителей. Спасибо.

Д. Ергин:

Большое спасибо, господин Новак. По-моему, господин Сечин хочет высказать какое-то замечание.

И. Сечин:

Большое спасибо, уважаемый господин Ергин. Я хотел бы поддержать госпожу ван дер Хувен, когда она говорит, что основой для золотой эры газа должны стать золотые правила.

В основу этих золотых правил надо обязательно заложить прозрачность проработки и принятия решений. Потому что речь идет о миллионах, десятках миллионов людей, потребителей, которые в результате этих решений, без участия в широкой дискуссии, предшествующей их принятию, будут поставлены в условия, когда они будут вынуждены платить, например, за избыточные транспортные мощности. Можно предположить, что такие избыточные мощности могут возникнуть в случае реализации решений о строительстве трубопроводов по прокачке СПГ. Можно также предположить, что в цену сланцевого газа на текущем этапе не включены затраты на ликвидацию скважин или на рекультивацию земли, и об этом нужно проинформировать наших потребителей. Они должны быть участниками этой дискуссии, чтобы не произошло так, как на определенном этапе произошло с атомной энергетикой, когда говорили, что это самая чистая и самая дешевая энергия, позволяющая держать баланс в энергосистемах без всяких рисков. При этом забыли предупредить потребителя о том, что в конце пути предстоит ликвидация атомных станций, о том, что надо утилизировать топливо, и что это все в результате может сделать атомную генерацию одной из самых дорогих. Вот два моих комментария, но мы желаем всем успехов в этой работе. Спасибо.

Д. Ергин:

Вы можете сделать одно короткое замечание, прежде чем мы дадим слово другим нашим докладчикам.

М. ван дер Хувен:

Это будет очень короткий комментарий. Господин Сечин прав. Без «золотых правил» будет очень трудно, а может быть, и невозможно осуществлять успешную разработку сланцевого газа. Но эти «золотые правила» применимы не только к нетрадиционному газу. Они также применяются к разработке газа в сложных условиях, например, на глубоководных месторождениях и в Арктике. И мы должны добиться участия общественности, чтобы она выбирала не только нетрадиционный, но и традиционный газ.

Д. Ергин:

Наш следующий оратор — Джон Уотсон, являющийся председателем и главным исполнительным директором компании Chevron, одной из крупнейших в мире. Джон является одним из лидеров мирового энергетического сообщества.

Джон, я собирался попросить Вас высказать свою точку зрения и прокомментировать сказанное по вопросу о том, как смотрит на Россию международная промышленность и как она смотрит на вопросы, касающиеся торговли, включая ВТО, в работе которой Вы очень активно участвуете. Я также хотел бы дать Вам возможность, если хотите, поговорить о том, как Вы смотрите на «золотые правила» с точки зрения крупной компании, находящейся на переднем крае технологии.

Дж. Уотсон:

Спасибо, Дэн. Я сделаю несколько замечаний по этим вопросам.

Полагаю, что лучше начать с комментария по поводу того, что сказала исполнительный директор относительно развивающихся стран. На сегодняшний день в мире примерно один миллиард людей, имеющих то, что мы с вами называем высоким уровнем жизни. Но у нас есть еще шесть миллиардов людей, которые стремятся иметь то же, что есть у нас. Для осуществления этой мечты потребуется очень много энергии. В настоящее время объем потребления энергии в мире примерно эквивалентен 250 миллионам баррелей нефти в день. Для сравнения: Россия и Саудовская Аравия производят около десяти миллионов баррелей нефти в день каждая. По оценкам МЭА и других организаций, по мере развития в течение ближайших 20—25 лет мир будет потреблять примерно на 30—40% энергии больше, даже несмотря на достижения в области энергосбережения.

Мы считаем, что для того, чтобы получение такого объема энергии стало возможным и чтобы мировая экономика могла развиваться и дальше, нам будут нужны доступные по цене источники энергии. Такими доступными источниками энергии будут нефть, газ, уголь, ядерная энергия и возобновляемые источники энергии, в зависимости от их сравнительных экономических показателей. Все эти источники будут вносить свой вклад, и этот вклад должен быть устойчивым. Этого требует сегодняшнее общество.

Я считаю, что для того, чтобы это произошло, нам понадобятся крепкие партнерские отношения между государственным и частным сектором. Я бы начал с того, что частный сектор может сделать много хорошего в области энергетики. Инновации, которые нашли применение в осуществлении возможностей, связанных со сланцевым газом, десять лет назад просто невозможно было себе представить. Инновации и технологический прогресс такого рода в равной степени имеют отношение и к другим видам энергии. Мы, например, видим большие достижения в технологиях глубоководной добычи, разработки арктических месторождений и извлечения тяжелой нефти из существующих мировых ресурсов. Идут большие изменения в технологии, и частный сектор играет в этом важную роль.

Но технологии — это еще не всё. Для того чтобы обеспечить производство энергии, которая понадобится миру, нам также нужны навыки руководства проектами, подготовка национальных кадров по всему миру, капитал и масса других вещей. Частный сектор может обеспечить многое из этого, но он должен будет работать в тесном сотрудничестве с правительствами, в том числе с Правительством Российской Федерации. Мы видим роль правительства в обеспечении доступа к ресурсам, будь то в России или в Соединенных Штатах. Мы должны предоставлять частному сектору участки и возможности для разработки. Мы считаем необходимым, чтобы правительства принимающих стран обеспечивали те виды налоговых режимов и уровень прозрачности, о которых говорил господин Сечин.

Я думаю, что сотрудничество на основе правильного налогообложения, правильного доступа к ресурсам, правильного взаимодействия с национальными нефтяными компаниями и другими отраслевыми лоббистами в правительствах принимающих стран, в сочетании с работой, осуществляемой частным сектором, даст нам очень хорошие шансы на то, чтобы обеспечить мир необходимой ему энергией. Одним из шагов, которые Россия осуществила в последнее время, — а это был долгий путь — стало вступление во Всемирную торговую организацию. Мы, безусловно, рассматриваем это как позитивный шаг.

Chevron на протяжении многих лет неустанно выступает за свободную торговлю в России и в других странах мира. Наша позиция очень проста. Существуют рамочные условия, которые начинают действовать со вступлением в ВТО и которые являются позитивным фактором для России, для потребителей, для бизнеса других стран, а также для использования энергии в целях разработки ресурсов, которыми располагает Российская Федерация.

Что касается сланцевого газа и технологии, то мой взгляд мало отличается от других. Мы видим, что во всем мире надежды на них существенно возросли. Мы можем говорить о том, насколько безопасна добыча сланцевого газа,

насколько безопасна разработка глубоководных месторождений, насколько безопасна любая форма энергоносителей, но важно то, что мы снижаем известные нам риски и доставляем эту энергию так, как мы действительно можем: безопасно и надежно для потребителей всего мира. При этом я бы хотел выразить оптимизм в отношении тех шагов, которые предприняло российское правительство для обеспечения условий работы и доступа к ресурсам, о которых говорил ранее господин Сечин. Наша компания, безусловно, надеется на продолжение сотрудничества. Спасибо.

Д. Ергин:

Джон, один короткий вопрос. Вы были сопредседателем комитета, занимавшегося вопросами сессии ВТО. Не могли бы Вы немного рассказать об этом?

Дж. Уотсон:

Компания Chevron и я за последние несколько лет потратили много времени, говоря на эту тему в Соединенных Штатах. Моя позиция очень проста. Мы добываем нефть и газ более чем в 25 странах мира. У нас сложились тесные связи. Эти связи появились благодаря сотрудничеству в бизнесе. Я сказал представителям американского правительства, что, когда у американских компаний будет возможность конкурировать и участвовать в энергетической системе всего мира, мы сможем создать рабочие места, доходы, обеспечить прозрачность и необходимое энергоснабжение американских и других потребителей. Мы думаем, что интеграция, о которой уже говорилось, очень важна для продвижения вперед, и вступление России во Всемирную торговую организацию является очень логичным шагом. Я надеюсь, что в США будет принято соответствующее законодательство, для того чтобы такие компании, как моя, могли в полной мере пользоваться выгодами от участия в ВТО, которые предоставляются предприятиям, осуществляющим бизнес в России.

Д. Ергин:

Спасибо, Джон. Теперь я хотел бы дать слово Владимиру Дребенцову, который является одновременно вице-президентом «BP Россия» и главным экономистом BP Group по России и странам СНГ.

В связи с Вашими двумя должностями я хотел бы задать Вам три вопроса. Первый вытекает из того, о чем говорил Джон Уотсон: как Вы представляете себе инвестиционный климат, который будет привлекать капитал на протяжении длительного периода времени? Во-вторых, есть ли у Вас какие-либо взгляды, сформировавшиеся в результате Вашей работы, относительно спроса на российские нефть и газ на мировом рынке? И, в-третьих, как Вы думаете, каким будет влияние европейского кризиса на российские энергетические рынки?

В. Дребенцов:

Спасибо, Дэниел.

Прежде чем ответить на Ваши три конкретных вопроса, я бы хотел начать с темы нашей дискуссии — обеспечение стабильности энергетических рынков — и обратиться к тому опыту, к тем урокам, которые в этой области подарил нам прошлый год, который никак нельзя назвать обычным. Это был год и больших социальных потрясений, которые имели значение для энергетических рынков, я имею в виду «Арабскую весну», это был год и заметных природных катаклизмов, землетрясений и цунами в Японии. Эти шоки были очень заметными: например, суммарная потеря от прекращения экспорта нефти и газа из Ливии равнялась примерно 11% потребления нефти Евросоюзом. Это очень много. Япония, как известно, потеряла 30% выработки электроэнергии после того, как пришлось закрыть атомные электростанции. Тем не менее, если посмотреть на год в целом, если кто-нибудь в будущем посмотрит на то, как развивалась мировая энергетика в 2011 году, не вдаваясь в подробности, то ничего особенного этот наблюдатель не увидит. Потребление первичных энергоресурсов в мире выросло в прошлом году на

2,5%, то есть ровно настолько же, как и в любой из предыдущих десяти лет. Ничего особенного, несмотря на те значительные шоки, о которых я упомянул. Каким образом была обеспечена эта стабильность? Мне кажется, что два ключевых слова (они уже сегодня звучали) — это растущая интеграция мировых рынков энергоресурсов и растущая конкуренция между видами топлива, сопровождающаяся их взаимным замещением. Если посмотреть на то, как мировая энергетика справилась в прошлом году с теми шоками, с которыми она столкнулась, то схематически картина будет выглядеть так: после того, как в Японии стало невозможным использовать атомную энергию для выработки электроэнергии, этой стране пришлось резко нарастить импорт газа. И она с этим справилась. И Япония, и мировая энергетика справились потому, что были производители сжиженного природного газа, которые были готовы нарастить экспорт в Японию, и главное: эти экспортеры смогли перенаправить потоки СПГ с других рынков в Японию, притом, что другие рынки этого даже не очень заметили, а вернее, справились с этой проблемой. В мире три газовых рынка: Северная Америка, Европа и Азия. Как справился американский рынок — понятно: после революции сланцевого газа Северная Америка стала самой обеспеченной по этому виду энергоресурсов, но как с этим справилась Европа? Европа справилась с этим за счет сокращения потребления газа. Конечно, экономические проблемы были частью тех причин, которые привели к рекордному сокращению потребления газа в Европейском Союзе в прошлом году. Практически потребление газа сократилось на 10% (на 9,9% по нашим расчетам). Такого никогда раньше не было. Но часть этого сокращения была вызвана растущей конкуренцией в электроэнергетике со стороны угля. Уголь стал замещать газ, который оказался более дорогим. Даже спотовый газ оказался более дорогим потому, что он был востребован в Японии, и бункера СПГ стали отправляться вместо Европы в Японию. Но более дешевый уголь, вытесняющий газ, тоже должен был откуда-то взяться. С одной стороны, конечно, Европейский Союз сам впервые за много лет нарастил собственное производство угля, но пришлось увеличивать и чистый

импорт энергетического угля. Откуда пришел этот уголь? Он пришел из Колумбии, из США. И вот, на наш взгляд и на взгляд экономистов корпорации BP, второе событие — одно из самых интересных в прошлом году на энергетических рынках. Европейский Союз за один год увеличил импорт энергетического угля из США на 38%. Это серьезный рост. А почему это стало возможным? Потому, что в США, наоборот, уголь в электроэнергетике был замещен более дешевым газом. Потребление угля в американской электроэнергетике было зафиксировано на рекордно низком уровне. Вот таким образом мировая энергетика и сбалансировала все потоки. А уголь в США можно было заместить более дешевым ресурсом, потому что там идет производственная революция сланцевого газа.

Вот те уроки, которые надо учитывать на следующие 20 лет. По нашим оценкам, к 2030 году доля всех первичных ископаемых энергоресурсов сравняется, то есть примерно по 27% будет приходиться на долю нефти, газа и угля. Такого в истории человечества никогда не было. Всегда один вид топлива доминировал. Но это выравнивание и будет означать, что рынки будут обладать возможностью топливозамещения. Как это обеспечивается?

В этом и состоит опыт, который имеет смысл изучать в России. Конкуренция открывает новые возможности. Возьмем Северную Америку — разработки нефтеносных песков Канады, сланцевая революция не только газа, но уже и нефти в США. Все это стало возможным благодаря развитию технологий. А кто развил эти технологии? Компании. Почему это произошло в Северной Америке, а не в Венесуэле, у которой больше запасов нефтяных песков, чем в Канаде, или не в Китае, у которого, по оценкам геологов, больше запасов сланцевого газа, чем в США? На наш взгляд, это происходит потому, что в Северной Америке наиболее конкурентоспособный инвестиционный климат. Компании имеют доступ к энергоресурсам, но вынуждены конкурировать друг с другом за то, чтобы вовлечь эти энергоресурсы в хозяйственный оборот. Именно эта конкуренция вынуждает такие компании, как мы, как Chevron, как другие нефтяные ведущие компании мира, разрабатывать и внедрять новые

технологии. Это и нужно учитывать тем странам, перед которыми стоит такая же задача разработки трудноизвлекаемых запасов нефти и газа, как в России. О конкуренции на рынках газа уже говорили, но мне кажется, что это нужно учитывать и России. Российский газ безусловно может быть конкурентоспособным. Но для этого придется приложить серьезные усилия.

Д. Ергин:

Спасибо. Я думаю, что эти сессии заложили основу для голосования. Мы очень демократичная группа, поэтому будем голосовать.

Первый вопрос — о структуре энергопотребления. Вы видите, какой была структура энергопотребления в 2011 году, когда за нефтью шли уголь и газ. А теперь дайте нам, пожалуйста, вопросы. Какова будет ситуация по нефти в 2030 году: будет ли она составлять примерно 33%, как сегодня, 28% или в общемировом масштабе доля нефти снизится до 20%? Пожалуйста, все голосуем.

Это поразительно. Вот это демократия. У нас нет очевидного консенсуса.

Хорошо, а что будет по природному газу в 2030 году? Сегодня он составляет 24% от мировой структуры; мы слышали в ходе обсуждения, что его доля может возрасти до 29% или 34%, так что еще раз, пожалуйста, ваши голоса.

По газу картина лучше: чуть более 50% считают, что он составит 29% и, безусловно, его рыночная доля будет расти, именно об этом мы сегодня слышали.

Итак, давайте посмотрим на третий вопрос — о роли угля. Сегодня 30%, а в 2030 году: будет ли это 30%, 34% или 22%?

Так, очень интересно. Уголь, более или менее, удержит свои позиции на рынке. Но я думаю, что эти результаты говорят нам о том, что в конечном итоге у нас будет большая конкуренция между разными видами топлива и большая эластичность этих рынков. Есть ли еще какие-то вопросы?

Больше вопросов нет. В этом году мы не задаем наш традиционный вопрос о том, какой будет цена на нефть через год. Мы предоставляем вам самим это

решать в обсуждении друг с другом. Давайте, пожалуйста, вместе поблагодарим выступавших за такую замечательную дискуссию.